

[не], рефлексы которого в эрзянском и мокшанском языках и их диалектах не одинаковы, особенно в двусложных словах: эрз. лит. *с'ед'ей*, диал. *с'ед'ев*, *с'ед'енс*; мокш. лит. *с'ед'и*, диал. *с'ид'и* (с. 65).

В небольшой статье К. И. Ананьиной «Сужение гласных именных и глагольных основ в диалектах мокшанского языка» (с. 69—74) рассматривается развитие общеморд. *ä* и *e* в мокшанских диалектах, что создало определенную последовательную систему соответствий. Сужение гласных, начавшееся в общеморд. *ä*, завершилось переходом общеморд. *e* в *и*.

До сих пор в мордовском языкознании недостаточно изучены вопросы моносемии, полисемии и омонимии служебных морфем, поэтому актуальна статья М. Д. Имайкиной «Моносемия, полисемия и омонимия служебных морфем мордовских языков» (с. 75—84). Автор тщательно проанализировала объем функций словоизменительных морфем существительного, глагола, исследовала также явление материальной недостаточности на морфемном уровне — наличие омонимичных суффиксов.

Интересна статья В. А. Ледяйкиной «Синтаксические функции причастия законченного действия с суффиксом *-зь* в эрзя-мордовском языке» (с. 84—95). Ее автор указывает, что в эрзя-мордовском языке словоформы с такими причастиями часто употребляются в функции определения, предикатива с различной формой связи.

Отдельные языковые факты из сферы наречий рассматриваются в статье Н. А. Щанкиной «Выражение пространственных отношений наречиями (на материале мордовских языков)» (с. 95—109).

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.1.13>

Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола 1980 (МарНИИ). 144 с.

Проблемы ономастики интересуют не только лингвистов, но и историков, географов, этнографов и т. д. В нашей стране изучением имен собственных усиленно стали заниматься особенно в последнее время. Исследования по ономастике ведутся и в Поволжье. Проведено пять конференций, посвященных проблемам ономастики этого региона.

Т. И. Тепляшина в статье «Отглагольная удмуртская антропонимия» (с. 109—117) дает описание удмуртских личных имен, образованных от основ глаголов. В настоящее время, пишет исследователь, образование личных имен от глаголов и отглагольных слов ушло в прошлое и используются, как правило, русские имена (с. 116).

В статье А. М. Вильдяевой «Словообразовательная структура флористических названий в мордовских языках» (с. 117—127) впервые рассмотрены структурные словообразовательные типы флористических названий и их составные модели.

В. А. Никонов посвятил свою статью «Из географии мордовских фамилий» (с. 127—132) истории некоторых фамилий и показал частотность употребления их на территории Мордовской АССР.

Сборник завершают две рецензии. В первой (А. П. Феоктистов, Важные исследования по финно-угорским языкам) показана новизна и ценность материалов, легших в основу рецензируемых работ: Д. В. Цыганкин, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности — неопределенности и притяжательности), Саранск 1978; П. Н. Лизанец, Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья: Венгерско-украинские межязыковые связи, Будапешт 1976; L. Országh, Angol eredetű elemek a magyar szókészletben, Budapest 1977. Вторая рецензия (автор П. С. Кудяев) посвящена монографии Р. Н. Бузаковой «Синонимы в мордовских языках» (Саранск 1977).

НИНА АГАФОНОВА (Тарту)

В 1980 году Марийский научно-исследовательский институт при Совете Министров Марийской АССР издал второй выпуск «Вопросов марийской ономастики». В этот коллективный труд вошли публикации, посвященные различным аспектам марийской ономастики: топонимике, фитонимике, антропонимике. В данном выпуске, в отличие от первого (1978), впер-

вые наиболее аргументированно и с использованием богатых архивных документов даются этимологии рассматриваемых собственных имен.

Сборник открывает статья В. В. Кузнецова «Ойконимы Марийской АССР с топоформантом *-мас*», где автор объясняет названия населенных пунктов (ойконимов) с формантом *-мас* (*-маш*). Б. А. Серебренников считает происхождение названий на *-мас* угорским, сравнивая *-мас* с венг. *mező* 'поле'. Д. Т. Надькин придерживается мнения, что имена с суффиксом *-мас* образованы либо из мар. *маска* 'медведь', либо при помощи именного суффикса *-с*. Точку зрения Д. Т. Надькина относительно происхождения названия города Арзамас В. В. Кузнецов почему-то приписывает Р. В. Бабушкиной (с. 4). Компонент *-мас* (*-маш*) в названиях марийских населенных пунктов *Моталмаш*, *Карамас*, *Моламас*, *Возармаш*, *Адымаш* и т. д., как считает автор статьи, не одинакового происхождения. В названии населенного пункта *Моталмаш* выступает суффикс современного марийского языка *-маш*, а в других ойконимах — сложный топоформант *-мас* (*-маш*), который образовался из финно-угорского форманта *-ма* и суффикса современного марийского языка *-аш* < *-ас*.

И. С. Галкин рассматривает ойконимы *Килемары*, *Косолапово*, *Лям*, *Верх-Ушнур*, *Верка*. Происхождение *Килемары* он объясняет на материалах мордовских языков и считает, что это название образовано либо от *килей* 'береза' и мар 'куча земли, холм', либо гидроним *Килей* состоит из *ки* 'камень' + *лей* 'река' (т. е. речка Каменка), а *Килемары* 'марийцы на речке Каменка'. Наиболее вероятным, на наш взгляд, представляется второе положение. Не вызывает сомнения объяснение названия деревни *Верка* через эрз. *верка* 'быстрый', так как часть мордвы-эрзи в прошлом могла принять участие в формировании и марийского народа.

А. Н. Куклин выясняет фонетическую адаптацию тюркизмов в марийских фитонимах *чындран лышташ* 'щитовник мужской или мужской папоротник' и *гуарашу-до* 'папоротник пренебреженный'.

Объяснению этнонима *шемер* посвящена работа В. И. Вершинина. Марийцы считают, что этноним *шемер* происходит

от *шеме* 'черный', а *-ер* является суффиксом собирательной множественности. По мнению Ф. И. Гордеева, этноним *шемер* проник в марийский из иранских языков, он сравнивает его с курдским *шамер* 'хороший (человек)'. В. И. Вершинин сближает *шемер* с этнонимом *мещера*. Автор статьи не отрицает близость этнонимов *шемер* — *мещера* — *мадъяр* — *мокша* — *черемис*, а также татарского *мишари*. На наш взгляд, вызывает сомнение сближение этнонима *месь* (*мось*) < *месь* + *чера* с этнонимом *мокша*. В статье не приводится каких-либо доказательств на этот счет. Едва ли можно согласиться с В. И. Вершининым, что этнонимы *мещера* и *черемис* являются вариантами этнонима *мось чера*. Не совсем понятно, почему возможность перестановки компонентов *мось чера* в *чера мось* автор объясняет на материалах марийского языка, утверждая в то же время, что этноним *черемис* мари получили от другого народа (с. 32—33).

Изучению марийских антропонимов, связанных с этнонимами (этноантропонимами), посвящена статья С. Я. Черных. Примечательно, что в работе используются документы переписи марийского населения Казанской губернии в XVII и XVIII веках, представляющие огромную историческую и научную ценность. Автор приводит большое количество марийских имен, в которых сохранились следы этнонимов *мари* и *черемис*. В статье на основе документальных данных подтверждается предположение И. Г. Иванова относительно финно-угорского происхождения этнонима *черемис*. Следует отметить, что при выявлении этимологий марийских имен автор слишком часто обращается к легендам и преданиям, оставляя на второй план данные марийского и других родственных языков.

В. А. Акпорин рассматривает историко-фольклорные основы слова *онар* 'великан, исполин'. Используя данные родственных языков (мордовского, коми, удмуртского и др.), он приходит к выводу, что слово *онар* финно-угорского происхождения.

Весьма интересна статья Ф. И. Гордеева «Этимологии марийских антропонимов». В ней много нового для лингвистов, занимающихся ономастикой. В системе марийских личных имен автор выделяет собственно марийские имена, име-

на, заимствованные из тюркских языков, и имена, вошедшие из русского источника. Проводится этимологический анализ 426 личных марийских имен. Нельзя не согласиться с мнением Ф. И. Гордеева относительно татарского происхождения мордовских имен *Кудай*, *Кудас*, *Кудаш* (с. 83). Н. Ф. Мокшин эти имена этимологически связывает с мордовским апеллятивом *куд*, *кудо* 'дом' (Литературная Мордовия, Саранск 1961, № 25, с. 111—114).

Не все статьи в «Вопросах марийской ономастики» написаны на одинаковом научном уровне, о многом в них можно поспорить — в марийской ономастике достаточно нерешенных проблем. В целом же перед нами издание, представляющее большой интерес не только для лингвистов, но и историков, этнографов, литераторов и др.

О. Е. ПОЛЯКОВ (Саранск)

М. Э. Калласмаа, Структура эстонской микротопонимии (на материале западного диалекта). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1980

27 апреля 1981 года перед Специализированным советом Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук защитила кандидатскую диссертацию младший научный сотрудник Института языка и литературы АН ЭССР Марья Калласмаа по теме «Структура эстонской микротопонимии (на материале западного диалекта)». Научный руководитель — доктор филологических наук В. Палль, оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре и кандидат географических наук доцент Л. Тийк.

Топонимы представляют собой часть общественного творчества. Они создаются людьми в конкретном времени и пространстве и отражают в большей или меньшей мере современную им обстановку. Однако со временем изменяется географическая среда, обновляется население путем смены поколений и иммиграции, забываются исторические факты и меняется их толкование, развиваются местный язык и его лексика. Большинство топонимов находилось в употреблении на протяжении многих столетий, за это время факторы возникновения названий утратили свое значение и началось приспособление топонима к повседневной речи, т. е. упрощение и сокращение, причем определенную роль играет и народная этимология! В результате этого исторического процесса большая часть топонимов приобрела такой вид, что выяснение исходной формы и значения стало уже невозможным, если только в документах не наличествуют про-

межточные или еще поддающиеся расшифровке формы названия. А ведь многие топонимы могут содержать информацию о прошлом, привлекательную наряду с языковедами и для представителей других наук. Центральный вопрос при этом — этимологизация топонимов, однако подчас она может привести к ошибочным решениям, если отсутствует полный обзор ранних форм названий или по крайней мере тех общих закономерностей, которые облегчают реставрацию этих форм и вместе с тем их смысловую расшифровку. Один из существенных этапов на этом трудоемком пути — выявление и анализ структуры топонимов.

В опубликованной несколько лет назад работе В. Палля «Топонимы северной части Тартумаа» (I — 1969, II — 1977) наряду с ойконимами большое внимание уделяется названиям природных объектов и сельскохозяйственных угодий. Рецензируемая работа М. Калласмаа целиком посвящена микротопонимам и даже еще уже — структуре микротопонимов. Конечно, следует отметить, что время от времени исследователи обращали внимание на основные черты структуры эстонских микротопонимов, но в данном случае мы имеем дело с исследованием, в котором впервые все внимание направлено на анализ системы структуры и компонентов.

Картотека эстонских топонимов в Институте языка и литературы АН ЭССР за последние десятилетия очень выросла и